

Всешутейший Собор

Елене Толкачевой посвящается

Лев Бердников

Всешутейший Собор

Смеховая культура царской России

Издательство АСТ
Москва

УДК 930.85(47)
ББК 63.3(2)-7
Б48

Дизайн обложки *Дмитрия Агапонова*

В оформлении переплета использована картина В.И. Сурикова «Большой маскарад в 1772 году на улицах Москвы с участием Петра I и князя-кесаря И.Ф. Ромодановского» из собраний Русского музея

Бердников, Лев Иосифович.

Б48 Всешутейший собор : смеховая культура царской России / Лев Бердников. — Москва : Издательство АСТ, 2019. — 288 с.; ил. — (История и наука Рунета).

ISBN 978-5-17-113240-8

В этой книге историк и культуролог Лев Бердников рассказывает о феномене русского шутства. Галерею персонажей открывает «Кровавый Скоморох» Иван Грозный, первым догадавшийся использовать смех как орудие для борьбы с неугодными и инакомыслящими. Особое внимание уделяется XVIII веку — автор знакомит читателя с историей создания Петром I легендарного Всешутейшего Собора и целой плеядой венценосных паяцев от шута Балакирева и Квасника-дурака до Яна Лакосты и корыстолюбивого Педрилло, любимца императрицы Анны Иоанновны.

В книге также представлены образы русских острословов XVII–IXIX веков, причем в этом неожиданном ракурсе выступают и харизматические исторические деятели (Григорий Потемкин, Алексей Ермолов), а также наши отечественные Мюнхгаузены, мастера рассказывать удивительные истории. Отдельные главы посвящены «шутам от литературы» — тщеславным и бездарным писателям, ставшим пародийными личностями в русской культуре и объектами насмешек у соотечественников по перу.

УДК 930.85(47)
ББК 63.3(2)-7

ISBN 978-5-17-113240-8

© Л.И. Бердников, 2019
© ООО «Издательство АСТ», 2019

Содержание

ШУТЫ

Кровавый скomorох
Иван Грозный 9

Всешутейший патриарх
Никита Зотов 21

Лютый и преданный
Федор Ромодановский 31

Кавалер ордена Иуды
Юрий Шаховской 37

Из шутов — в адмиралы
Иван Головин 41

Несостоящаяся лилипутия 46

Иван, что за словом
не лез в карман
Иван Балакирев 51

Король самоедов
Ян Лакоста 61

Дурак корысти ради
Педрилло 72

Квасник-дурак
Михаил Голицын 77

Наказание за любовь 85

Последний царский шут
Петр Аксаков 94

Сиятельный арлекин
Лев Нарышкин 102

Придворный проказник
Дмитрий Кологривов 112

Проделки Алексея
Копиева 118

ОСТРОСЛОВЫ

Улыбка полубога
Григорий Потемкин 127

Полет во сне и наяву
Сергей Львов 140

Шумный американец
Федор Толстой 150

Об одном автографе
Толстого-Американца 164

«Остёр до дерзости»
Алексей Ермолов 171

Светлейший острослов
Александр Меншиков 188

Синдром Мюнхгаузена 200

ШУТЫ ОТ ЛИТЕРАТУРЫ

Забавник Кирейка
Кирияк Кондратович 219

Парнасский буффон
Николай Струйский 228

На пороге графоманства
Дмитрий Хвостов 243

Список использованной
литературы 279

ШуТЫ

Кровавый скоморох

Иван Грозный

«Он мучитель в жизни и в своих писаниях, действующий в них так же, как актер с элементами скоморошества», — так характеризовал академик Д.С. Лихачев царя Московского Ивана Васильевича (1530–1584), прозванного за свирепый нрав Грозным. Однако шутовство никоим образом не ассоциируется с жестокостями. Зародившееся в языческие времена и восходившее к грубо-развлекательной культуре трикстеров, оно возникает еще в искусстве синкретизма, где скоморох соединял в себе певца, музыканта, мима, танцора, клоуна, импровизатора. В русской народной культуре оно, по-видимому, укореняется еще в дописьменный период и уже в XI веке фиксируется в летописях. Неразрывно связанные с фольклором, скоморохи, объединившись в ватаги, странствовали по всей Древней Руси, потешая народ своим метким острым словцом, разудалыми песнями и зажигательными плясками. А потому Грозного если и можно назвать шутом и скоморохом, как его иногда аттестовали, то скоморохом особым, кровавым, ибо царь

этот отличался остроумием изувера, черным юмором и адской насмешливостью, которые привносил в свои многочисленные казни, до которых был столь охоч. Где же берет свое начало его воистину инквизиторское шутовство?

Обратимся же ко времени, когда Иван был малолетним и прозвание «Грозный» еще не пристало к нему. В четыре года он лишился отца, великого князя Василия III Ивановича, в восемь потерял мать, Елену Глинскую. Соперничавшие за власть бояре не слишком церемонились с юным великим князем. «Люди из враждующих группировок, — отмечает историк В.Б. Кобрин, — врываются во дворец, избивали, арестовывали, убивали, не обращая внимания на просьбы малолетнего государя пощадить того или иного боярина». Иван жаловался впоследствии, что в малолетстве с ним обращались, как с убогим, ни в чем воли не давали, издевались, заставляли делать тяжелую работу, а подчас даже забывали накормить. Особенно врезалось в память Ивану, как однажды боярин Шуйский вальяжно развалился в го-

сударевой спальне, положив ноги на постель покойного отца.

Об Иване вспоминали только тогда, когда на Русь прибывали иностранные послы. Его облачали тогда в роскошные одежды, окружали пышностью, притворно выказывая смирение и раболепство. А по окончании церемонии поведение придворных разительно менялось. Небрежение бояр было для Ивана тем обиднее, что с молодых ногтей он с помощью благоволившего к нему митрополита Макария постиг Божественную природу царской власти, ибо сказано в Писании: «...нет власти не от Бога, существующие же власти от Бога установлены».

Со временем бояре стали втягивать Ивана в свои далеко не шуточные распри, заставляя принять ту или иную сторону. «В обстановке подслушивания и подглядывания, частых отравлений, — говорит французский писатель и сторик А. Труайя, — Иван начинает воспринимать жизнь, как хищный зверек, который учится преследовать свою жертву и наслаждается ее страданиями».

Освободившись от опеки бояр, великий князь сразу предался диким потехам и играм, которых его лишили в детстве. Он отчаянно безобразничал — тешился жестокими забавами. Сохранились свидетельства о том, что двенадцатилетний Иван забирался на островерхие терема

и сталкивал со «стремнин высоких» кошек и собак, с наслаждением наблюдая за их конвульсиями. Он выдергивал перья птицам, ножом вспарывал им брюшко, услаждая себя каждой новой стадией агонии. По словам В.О. Ключевского, «жалобный визг удовлетворяет живущую в нем темную жажду мщения, как если бы он предавал смерти ненавистных бояр». Подобное «озорство» державного отрока надлежит рассматривать как ученичество, как первую репетицию будущего тотального террора.

Летописец сказал об Иване: «Он находился более чем часто в гнев и чрезмерной ярости... был удобоподвижен к злобе, как по природе, так вместе и из-за гнева». Вместе со сверстниками, в будущем печально известными опричниками, грядущий царь разъезжал по московским улицам, «скачуще и бегающе неблагоучинно», топтал конями людей, насильничал. Пристрастились они и к охоте: много времени проводили в лесах, где с наслаждением травили зверей, с кречетами в руках преследовали диких лебедей. Но охотой не ограничились — нападали на деревни, избивали крестьян, забавлялись с девицами, пили без меры. Бояре при этом не только не порицали поведение распоясавшегося юнца, а наоборот, восхваляли Ивана: «О, храбр будет сей царь и мужествен!»

Иван ерничал; облачался в саван, как ряженный и скоморох; ходил на ходулях — словом, откровенно валял дурака. Он рано научился обращать в шутку, игру жизнь и смерть окружающих, рано осознал, что ему, земному богу, дозволено все — и казнить, и миловать.

Первые казни начинаются с 1545 года, то есть как раз с того времени, когда Иван осознал себя самодержавным государем: «егда ж достигохом лето пятнадцатого возраста нашего, тогда Богом наставляемы, сами яхомся царство свое строить». По его приказу был схвачен и умерщвлен псарями боярин Андрей Шуйский — убитый пролежал на морозе нагим несколько часов.

Известно, что до своего венчания на царство в 1547 году Иван казнил восемь человек. Историки утверждают, что это больше, чем было умерщвлено за все долгие годы правления его деда и отца.

Однако в это же время с великим князем происходит благотворная метаморфоза. Современники связывали ее не столько с венчанием на царство, сколько с ужасающим московским пожаром и бунтом, когда мятежная чернь растерзала родного дядю Ивана. И он воспринял сие как кару за тяжкие грехи и, по словам летописца, «от того царь великий и великий князь прииде в умиление и нача многие благие дела строити».

А всё потому, что при дворе явился новгородский священник Сильвестр, который внушил Ивану страх за содеянное. Он пугал царя рассказами о видениях, атаковал «кусательными словесами», предсказывал гибель Ивану и всему его дому, если тот не проявит послушание. Сильвестр был высоко чтим всеми и надо всем властвовал вместе со своими сподвижниками. Одним из них был окольный Алексей Адашев, дипломат, человек яркого государственного ума, инициатор реформ середины XVI века, в ведении которого находились разрядные книги и летописи. Вместе же новые советники царя образовали так называемую Избранную Раду, с именем которой связано покорение Казанского (1552) и Астраханского (1556) ханств, реформы управления и суда и составление знаменитого «Судебника» (1550), установление дипломатических связей с Англией, Бельгией, Голландией и многие другие славные деяния. Только благодаря благому влиянию Избранной Рады Иван стал, по словам Н.М. Карамзина, своего рода «героем добродетели в юности».

На том этапе царь чуждался грубых потех, зато находил удовольствие в богослужениях. Историк поясняет: «Тунейдцев, то есть блюдолизов, товарищей трапез, которые живут шутовством, тогда не только

не награждали, но и прогоняли вместе со скоморохами и другими».

Такое отношение к скоморохам и шутам тем понятнее, что его разделяли советники из Избранной Рады, и прежде всего всемогущий тогда Сильвестр. Последний был в этом отношении учеником византийских церковных аскетов, традиционно воспринимавшим скomorошество и лицедейство как «бесовские игрища».

В известном «Домострое», составленном при участии Сильвестра, поражает резкость оценок шутовства. Проповеди, грамоты, поучения этой книги закрепляют за скomorошеством репутацию чего-то «дьявольского», «сатанинского», грозят ему адом и проклятием. Говорится, в частности, что скomorохи «всякое скаредие творят и всякие бесовские дела: блуд, нечистоту, сквернословие, срамословие, песни бесовские, плясание, скакание, гудение, трубы, бубны, сопели». Порицается любая трапеза, сопровождаемая музыкой и пляской: «И аще начнут... смехотворение и всякое глумление или гусли, и всякое гудение... и всякие игры бесовския, тогдаж, яко дым отгонит пчелы, тогдаж отыдут ангели Божия от тоя трапезы и смрадные бесы предстанут».

В этом же ключе выдержаны решения Стоглавого Собора 1551 года, на открытии которого перед его участниками выступал сам царь.

В них представлен целый ряд запретительных мер против скomorохов. Так, им возбраняется «ходить перед свадьбой», собираться в большие ватаги, участвовать в вечерних и ночных игрищах. Излюбленные шутами маски названы «скаредными образованиями». Показательно и письмо патриарха Константинопольского Иосафа Ивану (оно также приводится в материалах Собора), где тот настоятельно просит царя: «Бога ради, Государь, вели их [скomorохов. — Л.Б.] извести, кое бы не было в твоём царстве». О своём неприятии «скверного» скomorошества говорил царю и приверженец строгих аскетических правил старец Максим Грек.

Есть все основания полагать, что и сам государь Иван Васильевич в этот период относился к скomorохам и скomorошеству весьма отрицательно. Хотя каких-либо государственных распоряжений на этот счет нет, но поражает обилие постановлений местных и церковных. Вот лишь некоторые из них. В 1547 году двоюродный брат царя, старицкий князь Владимир Андреевич, запрещает скomorохам появляться в своих землях. В 1554 году было повелено не допускать их и в великокняжеские села — Афанасьевское и Васильевское. В 1555 году «Приговорная грамота» Троице-Сергиева монастыря объявляет: «А прохожих скomorохов в волость не пущать». Запреще-

ние скоморохам играть и разрешение жителям высылать их насильно вон содержатся в грамотах 1548, 1554 и 1555 годов.

Положение дел разительно изменилось к концу 1550-х годов, что связывали с возвращением царя из неудачного литовского похода в январе 1558 года. Речь идет о его встрече при поездке на богомолье со старцем Василианом Топорковым. А тот внушал царю: «Если хочешь быть истинным самодержцем, то не имей советников мудрее себя; держись правила, что ты должен учить, а не учиться, повелевать, а не слушаться. Тогда будешь тверд на царстве и грозою вельмож». «О, дьяволов сын! — костерил Топоркова князь А.М. Курбский. — Зачем ты в человеческом естестве жилы пресек и всю крепость разрушил и в сердце царя христианского посеял безбожную искру, от которой во всей Святорусской земле лютый пожар разгорелся?!»

Перемена в царе была столь резкой и стремительной, что некоторые говорят даже о существовании по крайней мере двух разных Иванов IV-х. Так или иначе, царь освободился от влияния Сильвестра и Адашева и окружил себя новыми советниками, точнее, товарищами ранней юности, участниками его прежних жестоких забав. «Теперь вместо прежних любимцев, мыслителей из Избранной Рады, — поясняет писа-

тель Э.С. Радзинский, — иные люди. Беспробудно пьют, веселятся... непрерывный пир, точнее — оргия. На многочасовое царское застолье приглашаются скоморохи, шуты и колдуны, которые нынче в царской свите». Примечателен эпизод из знакового фильма С.М. Эйзенштейна «Иван Грозный», где царь и его присные дико пляшут в скоморошских масках; это вполне соответствует реалиям того времени.

Как видно, прежние карательные меры против скоморохов были оставлены, и уже в конце 1550-х годов Москва стала для них притягательным центром. По некоторым данным, в столице их подвизалось тогда не менее 16-ти.

О феномене русского шутовства в ту эпоху говорит историк И.Е. Забелин: «Циническое и скандальное нравилось, и очень нравилось, потому что духовное чувство совсем не было воспитано, а было только связано, как ребенок пеленками, разными, чисто внешними, механическими правилами и запрещениями, которые скорее всего служили лишь прямыми указаниями на сладость греха».

Буйный нрав царя и его склонность к скоморошеству, искусственно сдерживаемые Сильвестром и Адашевым, выплеснулись наружу. Иван стал жестоким тираном, от рук которого пали десятки тысяч ни

в чем не повинных россиян. Историки объясняют эту патологическую кровожадность Грозного свойственной ему прогрессирующей манией преследования. Утверждают, что он параноик особого типа, находивший особое удовольствие в страданиях своих (по большей части выдуманных) врагов. При этом он часто прибегал к шутовству, которое было чисто внешним, скрывающим злое, садистское начало.

В этой связи замечателен ставший хрестоматийным эпизод из известной баллады А.К. Толстого «Князь Михайло Репнин». Как человек Средневековья Грозный был склонен к театральным эффектам, и гибель не угодившего ему князя Репнина поставил театрально. Во время пира, когда перед царем плясали милые его сердцу скоморохи, Иван и этому воеводе повелел надеть потешную «машкару». Тот, однако, отказался присоединиться к проклятым церковью «кощунникам» и, с достоинством отшвырнув прочь маску, протянутую царем, изрек:

Да здравствует вовеки наш
православный царь!
Да правит человеки, как правил
ими встарь!
Да презрит, как измену, бесстыдной
лести глас!
Личины ж не надену я в мой
последний час.

На следующий же день, во время всеобщей, когда Репнин, стоя на коленях, молился в храме, его зарезали прямо у алтаря.

Заподозрив в измене старика-конюшего И.П. Челяднина-Федорова, будто бы желавшего свеснуть его с престола, Грозный разыграл целое театральное действие. В присутствии всего двора он надел на него царскую одежду, посадил на трон, дал в руки порфиру, снял с себя шапку, низко поклонился и сказал: «Здрав буди, великий князь земли Русския! Се приял ты от меня честь, тобою желаемую!» Сходные шутовские церемонии были распространены не только на народных карнавалах, но и на бытовых пирушках, где по жребию избирали королей пира. «Игра в царя» была популярна и на Руси во время святочных и масленичных потех. В шутовских коронах с подвесками и павлиньими перьями паясничали скоморохи. Иван Васильевич дополнил традиционный карнавальным обряд новым дьявольским содержанием. «Имея власть сделать тебя царем, могу и свергнуть тебя с престола!» — воскликнул он и умертвил ряженого конюшего. А.К. Толстой запечатлел сам момент казни:

И, вспрынув в тот же час от злобы
беспощадной,
Он в сердце нож ему вонзил рукою
жадной.

И лик свой наклоня над
 сверженным врагом,
Он наступил на труп узорным
 сапогом
И в очи мертвые глядел,
 и с дрожью зыбкой
Державные уста змеилися улыбкой.

Очевидец сообщает, что после расправы над Челяднинным-Федоровым Грозный сжег все принадлежавшие тому вотчины: «Иван сильно возбуждался, когда видел, как, метаясь за растревоженными курями, женщины падали в пыль, шевеля грудями и подрачивая чреслами».

К шутовским переодеваниям царь прибегал и во время дипломатических приемов. Однажды, возжелав поиздеваться над литовскими послами, Иван заставил своего шута надеть литовскую шапку и велел политовски преклонить колено. Мало того, он преклонил колено сам и воскликнул: «Гойда, гойда!» В другой раз перед гонцами крымского хана он обрядился в грубую сермягу, бусырь и баранью шубу навыворот. Обращаясь к крымцам, он заговорил самым уничижительным тоном. Выворачивание наизнанку одежды, а также сермяга, береста и солома — это, по словам Д.С. Лихачева, «антиматериалы, излюбленные ряжеными и скоморохами. Все это знаменовало собой изнаночный мир, в котором жил древнерусский смех».

Любопытно, что впоследствии, после поражения под Нарвой в 1702 году, в подобную бутафорскую одежду облачится Петр Великий. Вот такая культурная преемственность!

Затеянная Грозным опричнина имела ярко выраженный игровой, скомороший характер. Ее введение происходило через карнавализацию, высмеивание существующего порядка. Царь, желая укрепить свою самодержавную власть, разделил единый народ на две половины, отделив опричников от ненавидимых им земских, сделав как бы двоеверным, — одних приближая, а других отстраняя... Как волков от овец, отделил он любезных ему [опричников. — Л.Б.] от ненавидимых им [земских. — Л.Б.]. Иван заявил о своем решении оставить трон, демонстративно покинул Кремль и обосновался в подмосковной Александровской слободе. Когда же духовенство и знать стали молить царя о возвращении в Москву, на престол, он истребовал право по собственному разумению нещадно казнить непокорных бояр. Тогда-то и был образован специальный опричный корпус. Это было замкнутое общество с полицейско-охранительными функциями. Вот как описывает слободу историк: «В этой берлоге царь устроил дикую пародию монастыря, подобрал три сотни самых отъявленных опричников, которые составили братию, сам